

Н. В. Шестакова, С. Р. Смирнов

«АЗБУКА ПРОПИСНЫХ ИСТИН» А. ВАМПИЛОВА –
«ЛЕКСИКОН ПРОПИСНЫХ ИСТИН» Г. ФЛОБЕРА:
К ПРОБЛЕМЕ ЖАНРОВОЙ МОДЕЛИ*

В одной из «Записных книжек» А. Вампилова привлекает внимание «Азбука прописных истин». Предположительная датировка – 1956–1958 гг. (время обучения Вампилова в Иркутском университете и начало творческой деятельности).

Азбука шуточная, ее стиль – нечто промежуточное между сентенциями Козьмы Пруткова и «Записными книжками» Антоши Чехонте. Однако очевидна еще одна параллель – «Лексикон прописных истин» Г. Флобера.

Слабая доступность вампиловского источника (это спецвыпуск газеты «Советская молодежь», посвященный 65-летию драматурга) позволяет нам привести текст «Азбуки» целиком:

А – Александр – имя любимого человека.

Б – Болезнь – суть предупреждение о том, что человек может умереть. В двадцать лет болеть пошло.

Берут нищие. Давать им нечего.

В – Все проходит, ничто не вечно.

Г – Грешнику надо молиться.

Д – Дружба – понятие абстрактное. Между мужчиной и женщиной немислима.

Е – Есть у человека дар природы – жизнь. Спасибо.

Ж – Жизнь – вещь дорогая и забавная. Не следует забывать, что твоя нужна не только тебе.

Женщина не должна быть слабой.

З – За все в ответе – я сам.

И – Из всех людей следует верить только себе.

И ощущение каждого мгновения.

Л – Любовь – добровольная зависимость.

Люди просто не одиноки.

* Статья опубликована в сборнике: В мире Александра Вампилова : материалы научно-практической конференции / редкол.: А. С. Собенников, И. И. Плеханова, С. Р. Смирнов. Иркутск : Изд-во ИГУ. 2013. С. 109–126.

М – Молодость – приятное заблуждение.

Н – Ненависть – чувство для жизни мало доступное.

Дорогая, прощай. Я улетаю в трубу.

О – Одинокие всегда понимают все, ценят многое.

Р – Радость – штука мгновенная.

С – Ссора – мгновенье прояснения. Но – не будем ссориться – пусть нам завидуют.

Страдание – самое человеческое.

Т – Только Александр Валентинович.

Тепло создают люди.

У – Утешают только мелочи...

Ф – Фальшивить самому себе – самое большое несчастье.

Х – Хамить – это можно.

Ц – Цену себе знаешь только сам.

Ч – Человек, страдая желудком, никогда не напьется до такой степени, когда все люди становятся братьями.

Ш – Шалости в детстве часто укореняются.

Щ – Щедрым никогда не бываешь полностью.

Э – Эгоизм – черта характера мужчин (97 процентов).

Эгоизм – черта всех людей, если они не идиоты.

Эгоисты страдают больше других.

Ю – Юность. С ней проходит глупость.

Я – Я – прежде всего [6, с. 3].

В этих записях обращает на себя внимание прежде всего их целостный характер. Очевидно, они сделаны за один присест и представляют собой полужуточный, полусерьезный нравственный катехизис молодого человека.

Азбука как определенная жанровая модель – это простейшие начала чего-либо, которые предполагают некую совокупность выводимых понятий и порядок в их расположении; она имеет свой код – это определенная систематизация знаков, выстраиваемая внешне и внутренне в зависимости от сферы описания и применения; ее содержание – традиционное, общеизвестное, не случайно возникает понятие «азбучная истина», т. е. истина всем известная.

Интерес к «Азбуке прописных истин» А. Вампилова продиктован интересом к истокам становления его как человека, писателя и мыслителя, к формированию его оригинальной художественной

манеры. Круг читательских интересов писателя также нашел отражение в «Записных книжках». «Азбука» и «Записные книжки» дают представление о творческой лаборатории драматурга. Нами сознательно сделан акцент на биографическом аспекте в изучении творческой индивидуальности писателя: такой подход позволяет рассмотреть автора как единое биографическое лицо, однако, наделенное различными художественными сознаниями, проявляющимися в текстах разных типов [3, с. 55].

Вампилов читал Флобера на студенческой скамье. В. Мутин, вспоминая о том, как увлеченно учились в университете, запоем читали классиков в комнате общежития и были всегда с музыкой и литературой, пишет: «С карандашиком, с несколькими листками бумаги, свернутой в трубочку, он появлялся на лекциях, и если лекция была не по литературе или была тянучкой, он делал свои рассказы, и тут же, на следующем часе, посылал по рядам – конечно же, выборочно, друзьям...» [2, с. 294]. В «Записных книжках» есть указание на некое письмо Флобера: «Ренуар и “Вас где-то ждут”, и разговор Гете с Эккерманом. Письмо Флобера. Дневник Делакура. Надо выбирать собеседников. Себя надо беречь, холить, ухаживать за собой – потому что ты – аппарат» [И-99, с. 677]. Однако утверждать, что «Азбука» появилась под прямым влиянием французского романиста XIX в. было бы не совсем верно, тем более, когда речь идет о вампиловской щепетильности в вопросах заимствования и проблеме сходства в идейной или сюжетной первооснове. Кроме того, приведенные выше сентенции гипотетически в равной степени могут быть приписаны известному советскому драматургу А. Н. Арбузову, с которым Вампилов, судя по всему, общался на семинарах молодых писателей в Дубултах и Ялте как раз в период создания этих записей (1970 г.). Г. Николаев в воспоминаниях приводит в пример разговор, состоявшийся с А. Вампиловым по поводу его замысла создать трагедию с центральным женским образом: «Боюсь, – сказал он задумчиво, – как бы не съехать на “Гадюку” Алексея Толстого». Я заметил, что опасность такая очевидна, темы очень близкие. Он уточнил: «Опасность в близости первоосновы – в обоих случаях берется человеческая суть при воздействии на нее слишком больших сил извне» [2, с. 356–357].

Сделанный нами акцент на филологическом образовании писателя не случаен: огромное количество «текстов» отечественной

и зарубежной литературы, всплывающих в вампиловских произведениях – не факт ученичества, а естественный процесс формирования писателя, удивляющего как раз «нелитературной» основой своих творений, являющихся воплощением «живого» авторского голоса и творческой оригинальности.

«Азбука» Вампилова в силу своего жанрового своеобразия дает особое представление об эволюции личности и творчества писателя. Обратимся к воспоминаниям современников драматурга. Завершая очерк воспоминаний о друге, Д. Сергеев пишет: «Но сколько бы ни было фотографий и каким бы узнаваемым ни был он на них, подлинное представление о его личности может дать только книга, оставленная им в наследство всем людям» [2, с. 335]. Подобное высказывание находим у Г. Николаева: «Можно подобрать сто эпитетов: талантливый, умный, добрый, насмешливый, гордый, веселый, напористый, азартный и так далее, в том числе и другие, соответствующие каким-то другим его качествам, которые нельзя назвать добродетельными, но все его эпитеты не раскроют его так, как он раскрыл себя сам в своих пьесах» [2, с. 348].

«Азбука» представляет собой также интересный жанровый эксперимент – это создание некой жанровой модели, выступающей как «...важнейшая историко-литературная единица, способствующая выделению констант межлитературного процесса и позволяющая проследить пути вхождения национальных литератур в литературу мировую» [7, с. 263]. Использование данного понятия предлагается для «изучения повествовательных жанров с бесфабульной основой, без явно выраженного сюжета, представляющих явление жанрового синкретизма...» [Там же]. Интересен сам механизм возникновения устойчивой и одновременно подвижной жанровой модели (т. е. своеобразной модификации жанра) – «азбуки», «лексикона», «апологии», «перечня», словаря; жанровый синкретизм выражается в том числе и в структурном многообразии самих «высказываний» – «максимы» (афоризма), «мысли», изречения и т. д.

Различный характер дарования, художественного темперамента, ментальности А. Вампилова и Г. Флобера не мешает их сближению в биографическом и жанровом контекстах. Писателей объединяет жгучий интерес к современности, непрекращающиеся поиски духовного пути, личная скромность. Э. Золя, характеризуя Г. Флобера как человека и писателя, пишет о его благородной

натуре. С. Иоффе в своих воспоминаниях делает акцент на врожденной интеллигентности и деликатности Вампилова [2, с. 308, 331].

Оба были сознательными провинциалами, не отказывались от бытописательской манеры, обоим была свойственна творческая независимость. Н. Кладо пишет о личной и творческой независимости Вампилова: «...Подстраиваться под других он не хотел. Не знаю у Вампилова пьесы, написанной не в его манере. Есть, конечно, лучшие, есть и послабее, но все это – его пьесы» [2, с. 380]. У обоих обращает на себя внимание склонность к парадоксальному мышлению. Важным представляется уточнение, сделанное О. Ефремовым о том, что парадоксы Вампилова имеют не литературную, а жизненную основу [2, с. 415].

Точность наблюдений над природой человека и общества, стремление к реальности и тончайшая нюансировка психологических состояний героев – также основа для идейной и стилиевой общности писателей. Флобер, страдая по собственной воле «муками стиля» и возведя это в канон искусства, не терпел ни в чем приблизительности, под стилем подразумевал не замысловатость, а гармонию и сдержанность, не выносил посредственности и серости. Э. Золя пишет о «литературной честности» Флобера: «Ему необходимо сознавать, что труд его точен, безупречен, и завершен... Он абсолютно спокоен лишь тогда, когда убежден, что все частности его произведения верны и соответствуют жизненной правде. Только точность и совершенство способны дать ему душевное удовлетворение. В нем всегда сильна потребность сказать последнее, точное слово... Отсюда неизбежная медлительность в работе» [4, с. 444].

Читаем о Вампилове в воспоминаниях С. Иоффе: «Что греха таить, Саня казался мне везучим, я убежден был: все дается ему легко, без особых усилий. И можно себе представить, как удивил он меня однажды признанием: «Трудно пишется, очень трудно» [2, с. 309]. Е. Якушкина отмечает: «Для него в драматургии ничто не могло быть случайным или проходным. Каждое слово как бы имело свой вкус, вес и даже цвет, а главное – не могло быть заменено никаким другим» [2, с. 398]. С. Иоффе говорит о живом, лишенном банальностей языке рассказов Вампилова [2, с. 302], его нетерпимости «к серости, к языковым огрехам и штампам» [2, с. 304]. Вампилов часто писал о всеобщем неуважении к Слову. В «Записных книжках» читаем: «Лучшие, самые красивые, возвышенные слова сейчас до того скомпрометированы газетами и ремесленниками, столько от

них пыли, плевков и ржавчины, что – сколько надо думать и чувствовать, чтобы эти слова употреблять в их высшем назначении» [И-99, с. 657].

Дар комизма, склонность к карикатурному взгляду на явления, интерес к проявлениям человеческой глупости иллюстрируют блестящие фельетоны Вампилова. Вспомним также коллекции бюрократических документов, которые собирал и тонко использовал Флобер (они были положены в основу образа Омэ в «Госпоже Бовари», определили сатирическую природу романа «Бювар и Пекюше»). Флобер вошел в литературу в возрасте 35 лет, Вампилов покинул жизнь за два дня до своего 35-летия.

Наконец, писателей объединяет любовь к театру. Романист Флобер любил театр и честно пытался писать и ставить пьесы, болезненно переживал неуспех на драматургическом поприще. Судьба пьесы «Кандидат» – провал при постановке, пьеса «Слабый пол» вызвала неуспех при чтении ее друзьям, и в результате – отказ от театра. Оба писателя не прощали неуважения к литературе, которое видели у политиков и обывателей. Флобер создал, по словам Э. Золя, «кодекс нового искусства» [4, с. 437], А. Вампиловым создан «вампиловский театр», который даже на стадии репертуарного становления и трудностей вхождения в театральную среду воспринимался на уровне высокой классики. Так, Д. Шварц, говоря о достоинствах пьесы «Прошлым летом в Чулимске», призывает отнестись к ней как к классике. Г. Товстоногов пишет о той же пьесе: «Это походило на работу с классикой, когда за любой деталью обнаруживаешь глубокий внутренний смысл» [2, с. 413–414].

Для обоих писателей характерна стилиевая сдержанность, ненависть к филистерскому пафосу и в творчестве, и в быту. Следование правде изображения и характера – таково творческое кредо писателей. В «Записных книжках» читаем: «24 февраля. Все лучшие известные писатели знамениты тем, что говорили правду. Ни больше ни меньше – только правду. В двадцатом веке этого достаточно для того, чтобы прославиться. Ложь стала естественной, как воздух. Правда сделалась исключительной, парадоксальной, остроумной, таинственной, поэтической, из ряда вон выходящей. Говорите правду, и вы будете оригинальны» [И-99, с. 662–663]. Е. Якушкина пишет об А. Вампилове: «Точность своих наблюдений он выражал и в характерах своих героев. Он писал только правду, настоящую правду жизни и человеческих характеров» [2, с. 399]. Важны

ее слова о любви драматурга к своим героям, о любви, о которой он не говорил вслух, о редком употреблении им превосходной степени: «Это, как он сказал бы сам, был не его “жанр”» [2, с. 400].

Актуальным нам представляется типологический аспект – рассмотрение «Азбуки прописных истин» А. Вампилова как раннего опыта писателя, находившегося в процессе становления, и «Лексикона прописных истин» Г. Флобера – книги, которая является созданием зрелого писателя. Произведения различны в идейном и структурном аспектах, но представляют собой определенную жанровую модель. «Современный исследовательский поиск приводит к необходимости определения архетипических, повторяющихся моделей мировой литературы, вариативно проявляющих себя в различных национальных литературах и являющихся определяющим фактором межлитературных взаимосвязей» [7, с. 263].

Замысел «Лексикона прописных истин» («Перечня изысканных изречений»), возникший у Флобера еще в юные годы, воплощался им на протяжении всей творческой жизни. Произведение, так и оставшееся незавершенным, было опубликовано в 1910 г. Представляя собой самостоятельную жанровую модель, «Лексикон» имеет сквозной характер и открытую структуру в контексте творчества писателя, так как в нем содержатся идеи, образы и мотивы, которые автор использовал и в других произведениях. Ему предшествуют два эпиграфа, вступающие в ироничное и игровое соотношение: *Vox populi – vox Dei* (Глас народа – глас божий (лат.). *Народная мудрость*; «Не подлежит сомнению, что всякая общая мысль, всякая общепризнанная условность – бессмыслица, ибо они – достояние большинства». *Шамфор. «Изречения»* [8, с. 313]. В «Лексиконе» писатель соблюдает принцип замыкания (от А до Я). Обратимся к первому и последнему понятиям.

«А б е л я р⁵. – Излишне иметь какое-нибудь представление об его философии или же знать названия его произведений.

– Скромно намекнуть, что Фюльбер его изуродовал.

– Могила Элоизы и Абеляра; если вам станут доказывать, что она не подлинная, воскликните: «Вы лишаете меня иллюзий!» [8, с. 313].

«Я н с е н и з м. – Неизвестно, что это такое, но говорить о нем считается большим шиком»⁶.

И в том, и в другом высказываниях писатель сразу обозначает тему – буржуазное (во флоберовском контексте – невежественно-обывательское) мировосприятие и мировоззрение даются по принципу градации либо предельного упрощения. Ирония уходит в подтекст.

В письме к Луизе Коле (17 декабря 1852 г.) Флобер пишет, что в «Лексиконе» «в алфавитном порядке найдут все, о чем надо говорить в обществе, чтобы прослыть человеком благопристойным...» [5, с. 346]. Самую многочисленную группу составляют понятия и их определения, предписывающие, что «должен сказать», что должен «не забыть сказать» буржуа, что «уместно» произнести в обществе. Также для этих высказываний характерны их смысловая и стиливая предсказуемость. Из более чем пятидесяти проанализированных нами примеров по данной тематике выделим следующие: «З н а м е н и т о с т ь. – Интересоваться маленькими подробностями частной жизни знаменитых людей, чтобы потом иметь возможность их поносить». «М а к и а в е л л и. – Не читая, считать его злодеем».

Г. Флобер обобщает «черты буржуазного мировоззрения»: это и отражение взглядов современников на все сферы жизни – политику, мораль, искусство, воспитание, и механизм возникновения и бытования пошлых, прописных истин, ложных штампов и мифов, демонстрирующих узость (*А р х и м е д и др.*), стереотипность (*А к т р и с ы, В з д о х, Г о р б у н ы, М о л о д о й ч е л о в е к, П е р у и др.*) обывательского мышления. Часто обыватель надевает маску «разрушителя стереотипов», демонстрирует «глубину мышления». Актрисы, например, определяются как «пагуба наших сыновей», они «предаются оргиям», «кончают жизнь в больнице», но тут же «оправданы» обывателем через включение в мир мещанских ценностей: «Виноват! Среди них встречаются превосходные семьянинки».

Возникают устойчивые, так называемые вечные (прописные) «истины»: *Г и м н а с т и к а, Д и п л о м а т и я, З а в т р а к х о л о с т ы а к о в, И м п е р а т р и ц ы, П о г р е б е н и е, Л ы с и н а, П р о к л я т и е и др.* Писатель создает целые синонимические ряды: *В о с п и т а т е л ь н и ц ы, Г о р н и ч н ы е, К у р т и з а н к и; Б л о н д и н к и, Б р ю н е т к и, Р ы ж и е, Н е г р и т ы н к и; О д а л и с к и,*

⁵ Здесь и в дальнейшем разрядка авторская.

⁶ Здесь и далее цит. по: [8, с. 313–341].

Б а я д е р к и и др. При создании таких рядов ирония создается через особый прием: «З и м а. – Всегда исключительная (см. Лето). – Полезнее других времен года», «Л е т о. – Всегда исключительное»; или: «Р ы ж и е. – (см. Блондинки, Брюнетки и Негритянки)».

Нейтральные устойчивые (традиционные) высказывания доходят до простейшей основы и теряют смысловую наполненность: К и п а р и с, П о г о д а. Штампы становятся «вечными» и вненациональными: – А т т е с т а т. – Гарантия для семьи и родителей. – В большинстве случаев бывает хороший» (см. также Д и п л о м, К о л о н и и, Н е р а з б о р ч и в о и др.).

«Лексикон» – очень личное и выстраданное произведение. В письме Флобер поясняет Л. Коле истоки замысла: «Замечаешь ли ты, что я становлюсь моралистом? Не признак ли это старости? Но во мне явно рождается склонность к высокой комедии: иногда меня так и подмывает обляять род людской, и когда-нибудь я это сделаю, лет через десять, в длинном романе с широко задуманным планом; а пока я возвращаюсь к старой своей идее, к «Лексикону прописных истин» [9, с. 82].

Итак, Флобером была задумана целая книга; ирония и парадокс должны были помочь ему обойти цензуру и помочь в создании не только собирательного портрета современника-обывателя, но и показать «род людской».

Иногда истинные мысли буржуа даны на поверхности (А л е б а с т р, А н т р а к т и др.), иногда подспудно (Б е д н ы е и др.), иногда через уточняющий (или формально уточняющий) ряд (А р х и т е к т о р ы, А с т р о н о м и я и др.). Для буржуа характерно утилитарное отношение ко всему, включая религию, историю, искусство (А р ф а. Б е з н р а в с т в е н н о с т ь. Л а т ы н ь. П и р а м и д ы и др.) Например: «А н г е л. – Превосходно применяется в любви и в литературе». Для него также необходима опора на авторитетное мнение. Например: «Б о г. – Сам Вольтер сказал: «Если бы не было Бога, его следовало бы выдумать» (см. также О ш и б к а и др.). Обыватель любит рассуждать об искусстве (Г о м е р, Г ю г о (В и к т о р), Д и д р о, М е л о д р а м а и др.). Писатель пародийно обыгрывает эстетические формулы: «И д е а л. Совершенно бесполезен». У обывателя свое представление о гениях. Бюффон интересен для него тем, что, когда творил, надевал манжеты, Паганини – длину пальцев, Расин тем, что был повесою, Сенека тем, что писал на золотом пюпитре, Сент-Бёв тем, что ел мясное в великую пятницу и т. д.

Обыватель осторожен (Г е н и й и др.), его интересуют непристойности (Т у а л е т (дамский) и др.), он проявляет нездоровый интерес к явлениям и событиям (Г е р м а ф р о д и т, Д и р е к т о р и я и др.). Невежество подчеркивается фразами «ничто», «известно что», «путать», «не интересоваться дальнейшими сведениями» (Г я у р, Д о к т р и н е р ы, И с т е р и я, И д о л о п о к л о н н и к и, И л о т ы, П а л ь м и р а, Ф о р н а р и н а и др.). Часто заострение приема иронии превращает в сарказм, например: «Н е к т а р – путать с амброзией» (см. также Р у с с о). Обыватель следует хорошему тону (Д е в и ц а и др.), но является ханжой (Ж е р е б е ц и др.). Для него важно приобщение к прогрессу (Ж е л е з н ы е д о р о г и и др.) и в то же время лицемерно его отношение к чужому труду (З е м л е д е л ь ц ы и др.). Физиология первостепенна (Г е м о р р о й, З у б ы, М о з о л ь, М о к р о т а и др.). Обыватель склонен к морализаторству (Х о л о с т ы к и и др.). Он старается сойти за серьезного человека, но без интеллектуальных и моральных усилий (К о н и н а. М у з ы к а н т. О б ы з а н н о с т и. Ш а х м а т ы и др.); ищет удобства и стабильности (Р а б о ч и й и др.); справедливость (С п р а в е д л и в о с т ь) и стоицизм (С т о и ц и з м) для него «невозможные вещи». Обыватель приспосабливается к обстоятельствам, качество явления становится подвижным в обывательском восприятии (Б е л ь е и др.). Практичность (Н у м и з м а т и к а и др.) сочетается в нем с тягой к «благородному» (К о л л е ж, П о с л а н и е и др.). Логика буржуа-обывателя проста: «О м е г а. – Вторая буква греческого алфавита, потому что всегда говорится: альфа и омега». В орфографию он готов верить, как в математику. Все негативное, по мнению обывателя, встречается в другой среде и другом пространстве (Д е т о у б и й с т в о. Р а з в р а т и др.). Буржуа склонен к пафосу: «В с к р ы т и е. – Оскорбляет величие смерти». Он готов возмущаться чем-либо, но не отказываться, презирать что-либо и одновременно стремиться к тому, что им презираемо (Д в о р я н с т в о. У к р о т и т е л и д и к и х з в е р е й. Э г о и з м. О р д е н П о ч е т н о г о л е г и о н а. Ф р а н ц у з с к а я А к а д е м и я и др.). Обыватель тяготеет к словам-обобщениям «всегда», «все» (Ф е р м е р. Ф е с к а. Ю ж а н е. Э т р у с с к и й и др.).

Флобер, с одной стороны, создает портрет эпохи (Г а з е т ы. Д в о р я н ч и к и. И н о с т р а н н ы й. Д у р а к. Н о в о в в е д е н и я. О с н о в ы. К у п л я и п р о д а ж а. С ч е т. Ч и н о в н и к и д р.), в которой «...богатство заменяет все, даже уважение» (Б о г а т с т в о), с

другой стороны, создает универсальное вневременное представление об эпохе:

«Эпоха (современная). – Ругать. – Жаловаться на отсутствие в ней поэзии. – Называть ее переходной, эпохой декаданса».

В письме писатель продолжает: «Это произведение должно быть историческим прославлением всего **общепринятого** (*Выделено нами.*), я покажу, что большинство всегда право, а меньшинство ошибается. Великих людей я выставлю на посмешище глупцам, мучеников предам палачам и все это сделаю стилистически преувеличенно, осложнено. Так, в отношении литературы я установлю, – это нетрудно, – что посредственные произведения, как самые доступные, являются наиболее законными, а потому все оригинальное должно быть с позором изгнано, ибо оно опасно, нелепо и пр.» [9, с. 82]. Эти мысли положены в основу следующих высказываний:

Автор. Книга. Литература. Оригинальное. Поэзия. Поэт. Проза. Ронсар. Роман. Сапфическая и адоническая строфа. Тема. Ученые и др.

В письме Флобер также прибегает к созданию иронического подтекста: «Такая апология человеческой низости во всех ее проявлениях от начала до конца ироническая, вопящая, пересыпанная цитатами, доказательствами (от противного) и страшными примерами (это сделать легко), имеет целью покончить со всякими эксцентричностями» [9, с. 82–83].

Писатель в восторге от своего замысла, создатель «безличной прозы» («объективного письма») и тут остается верен себе: «Во всей книге не должно быть ни одного слова, выражающего мою собственную мысль, и надо, чтобы каждый, прочитавший ее, остерегался говорить из страха обязательно сказать какую-нибудь фразу, которая имеется там» [9, с. 83]. Флобер считал, что прямое вмешательство в жизнь мешает ее объективному восприятию и оценке. Близкая мысль высказана Вампиловым в «Записных книжках»: «Я не говорил умных вещей, но я и не говорил глупостей... Я молчал...» [2, с. 290].

Изнечения стилистически многообразны, их структура подвижна. Писатель использует реплики из диалога: «– Абрикосы. – И в этом году их у нас еще не будет» (по такому же принципу построены *Прованское масло*. *Священники* и др.); реверсивные формулы – например: «обычно говорят» (*Деревянные*

башки); оговорки, уточнения (усиливающие банальность высказывания) – *Актрисы*; создает афоризмы (*Автор*. *Иероглифы*. *Лаконизм*. *Энтузиазм* и др.) или «афоризмы-перевертыши», например: *Самоубийство* – доказательство трусости. Зачастую отказ от использования какого-либо приема выступает приемом (*Алкоголизм*. *Причастие* и др.); писатель прибегает к парадоксу (*Здоровье*. *Коньяк*. *Непромокаемый плащ*. *Ртуть* и др.); обыгрывает хрестоматийные формулы (*Декарт*. *Диоген*. *Университет*. *Слава* и др.). Часто использует устойчивые обороты: *Китайская грамота*. *Метать громы и молнии*; романтические клише (*Колокольня*. *Луна*. *Птица*. *Руины*. *Шарф* и др.). Любопытны перифразы в буржуазном контексте:

«Лебедь. – Перед смертью поет.

– Своим крылом может разбить человеку бедро.

– Камбрейский лебедь – это не птица, это был человек, епископ, по имени Фенелон.

– Мантуанский лебедь – это Вергилий.

– Пезарский лебедь – это Россини».

Также Г. Флобер иронически вводит примеры (*Верховая езда*), цитаты (*Банкет* и др.), ассоциации (*Девственница* и др.), ссылки на предания (*Демосфен* и др.).

Говоря о таких понятиях, как «мужчина», «женщина», «политика», «нравственность», «воспитание», «этикет» и другие, Флобер иронично уточняет в письме: «можно было бы даже в нескольких строчках обрисовать известный тип и указать не только на то, что надо говорить, а и на то, чем надо казаться» [9, с. 83]. Для буржуа внешнее важнее: казаться, а не быть – его кредо (*Ланцет*. *Образование* и др.). Он живет в мире устойчивых, но неуловимых, искусственных жизнеподобных копий («симулякров»):

«Дела. – Всегда на первом плане.

– Женщина должна избегать говорить о своих делах.

– Самое важное в жизни.

– В этом – все».

Итак, писатель создает портрет обывателя – человека зрелого, «рассудительного», у которого на любой случай готово изречение. Ирония, сатира, подчас сарказм или прямолинейны, или уходят в подтекст, благодаря особой – лаконичной и многослойной – структуре высказывания. Буржуа для писателя (который сам относил

себя к буржуа) – это как раз не порядочный благодушный обыватель, а прежде всего деятельный глупец, воинствующий невежда, свысока относящийся к книге и литературе, ко всему оригинальному и индивидуальному, а главное – это часть внутреннего мира *любого человека* как общественного индивида и невольного носителя прописных истин. Флобер, сказавший по поводу своей героини «Госпожа Бовари – это я», готов видеть в обывателе и себя самого, он не судит, а констатирует, оставаясь при этом скептиком: «С л о в а р ь. – Говорить о нем: “Составляется только для невежд”».

Мотивы «Лексикона...» проходят через все творчество Г. Флобера. Это реплики и действия незабвенного господина Омэ, мечты Эммы Бовари в романе «Госпожа Бовари», стилистически оформленные в духе «Лексикона». Мотивы «Азбуки» А. Вампилова также присутствуют в его «Записных книжках», очерках, фельетонах, сценах и пьесах (это может стать предметом отдельного разговора, так как материал достаточно обширен).

Прописная истина – истина всем известная, штамп, шаблон, стереотип, нечто тривиальное. В определенном контексте это понятие философское. Не случайно Ж.-П. Сартр, фиксируя в своем романе «Тошнота» экзистенциальное состояние человека и мира, пишет о том, что к сорока годам человек становится носителем прописных истин. Для лексикона (словаря) именно в философском аспекте характерны также энциклопедичность, универсализм, системность (расположение по алфавиту) и менее формальные признаки. Лексикон (азбука) как жанровая модель представляет собой в контексте рассматриваемой нами проблемы некий канон, это «эталон, которому следует подражать; **мировоззренческая структура** (Выделено нами.), соотносимая с особенностями мирозидения» [6, с. 263].

Современники Вампилова пишут о его философском складе ума, интересе к человеческой природе. С. Иоффе приводит размышления Вампилова по поводу невозможности писателя следовать некой формуле, теории, объясняющей поведение человека, характер, истоки духовности [2, с. 326]. В. Андреев пишет о Вампилове следующее: «Размышляя над пьесой “Утиная охота”, он говорил, что, в первую очередь, его интересует проявление природы человеческой. Куда ее может повести, кинуть хозяин собственной природы – человек» [2, с. 425–426]. Г. Товстоногов пишет об экзистенциальной основе творчества драматурга, проявляющейся в

нравственном максимализме, бескомпромиссности, требовательности к человеку и боли за него [2, с. 414]. Все это находит отражение в «Азбуке» и в дальнейшем звучит во всех произведениях Вампилова, создавая писательский художественный и философский универсум.

«Азбука» является и лабораторией, в которой намечаются, вырабатываются речевые авторские приемы. Обратимся к воспоминаниям современников. Д. Сергеев пишет об особой вампиловской речевой манере: «Его свойство – не говорить много, чаще ограничиваться короткой репликой, подмечено многими. Искусство сжать мысль, свести ее в одну фразу, казалось, было у него врожденным [2, с. 333]. Д. Шварц отмечает: «...При всей простоте и ясности драматургической фактуры Александр Вампилов, как никто другой, был неожиданным в каждом драматургическом повороте, в каждом проявлении драматургического характера. Наверное, эта неожиданность при безупречной логичности и есть признак большого таланта» [2, с. 411]. Интересно наблюдение Г. Николаева о друге: «Вообще он не любил монологов, чаще обходился словом, замечанием, как правило, метким, беззлобным, не задевающим самолюбия, а лишь отмечающим нечто любопытное, забавное». Также он пишет о любимых фразах Вампилова, его умении использовать эффект приложения избитого оборота к новой ситуации [2, с. 348]. Этот же прием характерен для Флобера, он редко заимствуется писателями напрямую, скорее, это связано с психологией творчества и свидетельствует об определенном направлении таланта. Об особом складе мышления А. Вампилова пишет Н. Кладо, он останавливается на приемах эксцентрики, которые драматург использует в первом опыте – написании одноактной пьесы: «...В ней есть смещение жизни, которое делается не для того, чтобы изказать, а чтобы ярким поворотом открыть в жизни то, что лежит за событиями пьесы... Это редкий талант, который может, обостряя эксцентрическим приемом действительность, выявлять в ней существенное и важное» [2, с. 381]. Поразительно, но лаконичная вампиловская «Азбука» наглядно иллюстрирует эти наблюдения. В ней отражается и сатирический талант Вампилова, и его почти «репортерская» реакция на события и поступки людей. Знаменательна фраза Г. Николаева: «Помнится, именно тогда он сказал, что никакой он не драматург, а журналист, ибо для него важнее всего жизненный факт» [2, с. 357]. И у Флобера находим обращение к эксцентрике на уровне темы и приема: его обыватель борется со всем

эксцентричным, оригинальным, отстаивая комфорт и машинальное, стереотипное восприятие и существование.

Предлагаемый нами комментарий «Азбуки» содержит несколько уровней рассмотрения: биографический, общепсихологический и экзистенциальный, психоэмоциональный, травестийно-пародийный (или игровой) и, конечно же, представляет собой субъективную попытку создания, пусть «импрессионистического», но все же, насколько возможно, объективного портрета автора, а также обнаружения приемов построения жанровой модели.

Три записи – А (*Александр – имя любимого человека*), Т (*Только Александр Валентинович*), Я (*Я – прежде всего*) – эгоцентричны. В книге «Мир Александра Вампилова» встречаем следующий комментарий: «Александр Вампилов стал Александром, потому что в год его рождения (1937-й) исполнилось сто лет, как Россия потеряла Пушкина – отец мальчика был учителем литературы, и разве мог он назвать сына иначе?» [МВВ, с. 5]. Расположение высказываний (А – Я) приводит к мысли об использовании замыкающего приема, что придает личностную окраску, а также целостность и универсализм всему философскому перечню.

Б (*Болезнь – суть предупреждение о том, что человек может умереть. В двадцать лет болеть пошло. Берут нищие. Давать им нечего.*) – отзвук философских размышлений, ирония, проявление юношеского максимализма (или же тонкое обыгрывание штампа). Примечательно, что в «Записных книжках» есть это высказывание. И, наконец, еще один прием – внутреннего структурного парадокса – выстраивание ассоциации, когда ключевое слово становится либо неожиданным (бытовым, незначительным, даже неуместным), либо снижающим общее высказывание. По такому принципу построены Е (*Е – Есть у человека дар природы – жизнь. Спасибо.*), З (*З – За все в ответе – я сам.*), И (*И – Из всех людей следует верить только себе. И ощущение каждого мгновения.*), У (*У – Утешают только мелочи...*). Эти высказывания обнаруживают драматургический принцип построения. Е. Якушкина вспоминает: «Он был прирожденным драматургом... Даже рассказывая о чем-нибудь, он строил свой рассказ драматургически: активная экспозиция, кульминация и финальная точка, вызывающая у слушателей бурную реакцию своей неожиданностью, юмором, а иногда и драматизмом» [2, с. 399].

Г – *Грешнику надо молиться. М – Молодость – приятное заблуждение. Ю – Юность. С ней проходит глупость.* Эти высказывания философичны и одновременно ироничны: их нарочитая неоригинальность, «вторичность» говорят о языковой и смысловой игре.

Д (*Дружба – понятие абстрактное. Между мужчиной и женщиной немыслима.*) обнаруживает еще один прием – уход от прямого, ожидаемого стереотипного определения. Е. Якушкина так характеризует отношение писателя к дружбе: «У него было удивительно высокое понятие о дружбе, о долге перед товарищами, о тех обязательствах, которые она налагает. Как всегда он не декларировал это, а только действовал и поступал, согласно своим убеждениям» [2, с. 397]. Обнаруживается еще один – внутренний – прием: переход от «абстрактного» утверждения к точному, конкретному и лаконичному, возможно, пародирующему так называемые прописные истины.

Часть сложносоставных (имеющих разную проблематику) высказываний проникнута экзистенциальными мотивами. Ж – *Жизнь – вещь дорогая и забавная. Не следует забывать, что твоя нужна не только тебе. Женщина не должна быть слабой. Л – Любовь – добровольная зависимость. Люди просто не одиноки. Н – Ненависть – чувство для жизни мало доступное. Дорогая, прощай. Я улетаю в трубу. О – Одинокие всегда понимают все, ценят многое. С – Ссора – мгновенье прояснения. Но – не будем ссориться – пусть нам завидуют. Страдание – самое человеческое. Т – ...Тепло создают люди.* В. Андреев очень тонко и точно характеризует отношение писателя к миру: «Александр Вампилов любил не человечество – это слишком абстрактно, а человека, и верил даже в того, кто запутался в жизненных перипетиях. Он боролся за человеческие сердца, за красоту человека, не скрывая уродливых, отрицательных сторон жизни. Любовь давала ему право на ненависть» [2, с. 422]. Мотив мгновения отражен в следующих высказываниях: Р – *Радость – штука мгновенная. У – Утешают только мелочи...*

С. Иоффе передает запомнившуюся ему фразу Вампилова: «Нужно быть готовым, что останешься один» [2, с. 332]. Мир и «Других» писатель пропускал через себя. Ф – *Фальшивить самому себе – самое большое несчастье.* Афористичность следующего высказывания: Ц – *Цену себе знаешь только сам,* возможно, вновь включает нас в круг читаемых Вампиловым-студентом произведений зарубежной литературы. Речь идет о фразе, принадлежащей

герою романа Ф. Стендаля «Красное и черное» – Жюльену Сорелю – «Только я один знал, на что я был способен», фразе – ключевой для понимания трагедии не вовремя родившегося героя. Эта фраза, в свою очередь, – результат увлечения Стендаля просветительской философией. В манере французских афористов Б. Паскаля и Ф. де Ларошфуко Вампиловым написаны следующие высказывания: *Ш – Шалости в детстве часто укореняются. Щ – Щедрым никогда не бываешь полностью.* Французский контекст творчества писателя может стать объектом отдельного исследования.

Х – Хамить – это можно. По-вампиловски иронично, остроумно и многослойно. А. Симуков вспоминает: «Любая чрезмерность в проявлении чувств была Саше органически чужда. Он обладал редкой способностью снимать пафос с любой ситуации, никогда не обижая при этом, всегда с неподражаемым вампиловским юмором» [2, с. 395].

Ч – Человек, страдая желудком, никогда не напьется до такой степени, когда все люди становятся братьями. Мотив «все люди – братья» замечательно обыгран драматургом в «Старшем сыне».

Э – Эгоизм – черта характера мужчин (97 процентов). Эгоизм – черта всех людей, если они не идиоты. Эгоисты страдают больше других. Тема эгоизма перерастает у Вампилова в лейтмотив, отраженный во многих произведениях, в том числе в «Записных книжках»: «Эгоизм, как отрицательное свойство человеческой души, часто умалывается. Работать в Главке секретарем и быть эгоистом – плохо, но допустимо. Учиться понимать искусство, читать и чувствовать Пушкина и быть эгоистом – страшно» [И-99, с. 682]. Многозначность приведенного выше «азбучного» высказывания говорит о его структурной близости к высказываниям Флобера в «Лексиконе прописных истин». Профанация числа, парадокс, ирония, экзистенциальный подтекст и игровое начало дают повод для читательских размышлений и неожиданных интерпретаций.

Мы не ставили перед собой задачи прямого и последовательного сопоставительного анализа «Азбуки прописных истин» А. Вампилова и «Лексикона прописных истин» Г. Флобера. Близкие в жанровой организации и структурном отношении (парадокс, ирония, цитатность, игра, пародия, типизация, целостный характер и т. д.), эти произведения при более внимательном рассмотрении оказываются по-разному задуманными и построенными.

Г. Флобер в течение всей творческой жизни создавал апологию человеческой низости и серости, в которой намеренно не допустил ни одной личной мысли, но в этом – особая степень авторского отражения и присутствия в тексте; А. Вампилов в начале творческого пути создал жизненный «катехизис» молодого человека, в котором сильно именно автобиографическое начало и личное отношение к миру и человеку. Произведения сближаются, будучи воспринятыми через преломление авторского сознания и в определении главной цели художников, которую можно обозначить словами А. Вампилова: «В целом же вся эта история замышляется для того, чтобы, говоря высоким слогом, сохранить и приумножить человеческое в человеке» [И-99, с. 684].

Литература

1. Вампилов А. В. Избранное / сост. О. М. Вампилова ; предисл. В. Распутина ; вступ. ст. В. Лакшина; примеч. Т. Глазковой. М. : Согласие, 1999. 784 с.
2. Вампилов А. В. Стечение обстоятельств : Рассказы и сцены; Фельетоны; Очерки и статьи; Из неоконченного и неопубликованного; О Вампилове / сост. В. Г. Распутин ; примеч. Б. Ротенфельда. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. 448 с.
3. Зинченко В. Г., Зусман В. Г., Киризе З. И. Методы изучения литературы. Системный подход : учеб. пособие : [Для студентов, аспирантов, преподавателей-филологов]. М. : Флинта : Наука, 2002. 200 с.
4. Золя Э. Гюстав Флобер. Писатель. Человек : собр. соч. в 26 т. / пер. Н. Хуцишвили. М. : Худ. лит., 1966. Т. 25. С. 437–470.
5. Иващенко А. Лексикон прописных истин // Гюстав Флобер : собр. соч. в 5 т. М. : Правда, 1956. Т. 1. С. 346–347.
6. Советская молодежь: Специальный выпуск, посвященный Александру Вампилову. 2002. № 1.
7. Современное зарубежное литературоведение : Страны Зап. Европы и США; Концепции, школы, термины : Энцикл. справ. / Российская акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; [А. В. Дранов и др.]. М. : Интрада, 1996. 317, [2] с.
8. Флобер Г. Лексикон прописных истин : собр. соч. в 5 т. / пер. Т. Ириновой. М. : Правда, 1956. Т. 1. С. 313–341.
9. Флобер Г. Письма : собр. соч. в 5 т. М., 1956. Т. 5. 499 с.